

Журнал КИМ

[Домой](#) [Общество](#) [Интервью с философом Валерием Сергеевичем Ханом](#)

Интервью с философом Валерием Сергеевичем Ханом

2018 Октябрь 28
1646

С прошлого года в Пусане проводятся «Вечера в Русской гимназии». Их цель — помочь русскоязычным людям в адаптации и интеграции в Республике Корея. Например, в прошлом году гимназия провела «юридический ликбез» на тему подписания и аннулирования трудового договора и контракта на аренду жилья, беседы об образовании в корейских и русских школах и о льготах соотечественникам при поступлении в вузы, об изучении детьми иностранных языков и на другие темы.

На шестом по счету «Вечере в Русской гимназии» гостем будет **Валерий Сергеевич Хан**, известный ученый из Академии наук Республики Узбекистан, главный редактор международного журнала The World of Central Asia. International Journal of Humanities. В. С. Хан — автор более 150 научных работ по философии, истории, социологии и этнографии. Выступал с публичными лекциями и докладами во многих странах мира. Кроме того, он известный специалист по истории русскоязычных корейцев.

Предлагаем вашему вниманию интервью, которое взяла у В. С. Хана директор [Русской гимназии в Пусане](#) **Жанна Владимировна Тен**.

* * *

— *Валерий Сергеевич, вы ведь начинали свою академическую карьеру не с изучения корейской диаспоры. Что привело вас в эту область научных исследований?*

— Да, мой диплом и кандидатская диссертация были посвящены первобытному мышлению. Знаете, австралопитеки, питекантропы... у-у-у... (смеется). После защиты в МГУ в 1986 году я вернулся в Ташкент. Началась перестройка, результатом которой стали всплеск национального самосознания и национальные движения. Ранее, в отличие от титульных наций, диаспорные группы не выпячивали свое этническое «Я». А тут все почувствовали, что они не только Homo Sapiens или Homo Sovieticus, но и Homo Ethnicus.

Конечно, все это не обошло и корейцев. Корейские организации стали расти как грибы после дождя. И вдруг оказалось, что мы очень мало знаем о себе, о своей истории. Многие вообще не знали как, когда и по какой причине корейцы оказались в Средней Азии. Возник голод на знание о нашем прошлом. Кто мы? Откуда? И многие представители общественно-гуманитарных наук стали искать ответы на эти вопросы. Среди них оказался и я.

Мой отец, Сергей Михайлович Хан, профессор философии, с единомышленниками основал первый в СССР Республиканский оргкомитет по созданию корейских культурных центров, и был избран его председателем. Наша квартира на какое-то время превратилась в проходной двор: каждый день гости, и все корейцы (смеется). Я никогда не видел столько корейцев.

А мой старший брат, Александр, профессиональный музыкант, создал первую в СССР корейскую рок-группу «Инсам».

Корейская тема постепенно становилась частью моего «Я». Поворотным пунктом стал день, когда известный профессор Ко Сонму, первым опубликовавшим на Западе монографию о советских корейцах, побывал у нас дома. За ужином мы разговорились и я стал высказывать свое видение корейского движения. Мои мысли ему показались интересными, и он пригласил меня в Алма-Ату на международную конференцию по корейской диаспоре. Так начался мой путь в корееведение.

— *Вы сказали, что в годы перестройки корейцы стали обращаться к своему прошлому — к истории переселения на русские земли. Зачем это нужно? Для кого это важно? И вообще зачем люди обращаются к прошлому?*

— Зачем? Современность нивелирует людей, делает их похожими друг на друга. Обращаясь к прошлому, люди обращаются к своим истокам, в надежде нем найти свое «Я», свою опорную идентичность.

При всем том, что все мы – люди, мы все разные. Мужчины, женщины, инженеры, рабочие, пожилые, молодые, русские, узбеки, корейцы. Мы живем в огромном сообществе людей, каждый из которых является носителем множества идентичностей. Чтобы каким-то образом существовать в этом море идентичностей, я должен определиться, кто я: мужчина или женщина (сегодня это не такой уж простой вопрос), атеист или верующий, русский, узбек или кореец, и если кореец — то какой? Зная, кто вы, вы знаете, как относиться к тем, «другим». И если вы сами не захотите самоидентифицироваться, внешняя среда заставит вас сделать это, поскольку тем, другим, тоже нужно знать, кто вы, и как к вам относиться. Выживать по одиночке трудно, если вообще возможно. Определившись с тем, кто я, люди начинают искать себе подобных, кучковаться в стаи, в том числе, этнические. Так возникает «мы». В этнически гомогенной среде вопрос «Кто мы?» не стоит. Но он сразу возникает в полиэтнической среде.

— *Согласна. Живя в России, Узбекистане, Казахстане, Киргизии, мы ясно отдавали себе отчет в том, что мы — корейцы, не русские, не узбеки или казахи. Это и внешний облик, и наша кухня, и наши обычаи. Но, приехав сюда, в Корею, мы, корейцы, в корейской среде, стали ощущать себя не-корейцами, чувствуем себя совершенно другими. Поэтому вопрос «Кто мы?», который вроде не должен стоять в корейской среде, тем не менее стоит, и даже в более обостренной форме, чем в России или Средней Азии. Так кто же мы? И почему этот вопрос стоит так остро здесь, на родине наших предков?*

— Это вопрос исторический. Встречая американских или европейских корейцев пожилого или среднего возраста, мы обнаруживаем, что все они знают корейский язык и чувствуют себя в Корее, в отличие от нас, как рыба в воде. И наши корейцы начинают сетовать: вот, все зарубежные корейцы как корейцы, а мы... Однако нужно понимать, что все эти корейцы родились в Корее, многие из них мигрировали за рубеж в зрелом возрасте, у них куча родственников в Корее, и сюда они приезжают постоянно. А вот те, кто родился не в Корее, а например, в США, чувствуют себя в Корее не так уж уютно. Они либо плохо знают корейский, либо вообще его не знают. У меня есть такие знакомые. Для них поездка в Корею — всегда испытание. И это при том, что они лишь второе поколение эмигрантов. А что говорить о наших корейцах, чья история насчитывает более 150 лет? Укорененность в иноэтнической среде у нас носит

фундаментальный характер. И это естественно. Поэтому в Корее мы — корейцы — чувствуем себя иностранцами, а в России или Узбекистане — нет. Наша идентичность принципиально носит мультикультурный характер: это замес корейского, русского, среднеазиатского, европейского, советского. Мы — дети полиэтнической, мульти-культурной среды. Поэтому Василиса Прекрасная нам ближе, чем Чхунхян, а Д'Артаньян — ближе, чем Хон Гильдон.

Теперь, что касается того, корейцы мы или не корейцы. В связи с тем, что корейцы в XX веке расселились по всему миру, корейцы корейцам рознь. Корейцы перестали быть единой нацией, возникли субэтнические, отличающиеся друг от друга корейские группы: американские корейцы отличны от китайских, а мы — от японских и т. д. И даже на самом Корейском полуострове северный кореец это северный, а южный — это южный. Специалисты говорят: еще пару поколений в изоляции (Север — Юг) и мы будем иметь две корейские *нации*.

— *Кажется, мы разобрались с нашим прошлым и, естественно, напрашивается вопрос: «Что будет дальше? Куда мы идем?», и не столько с точки зрения отдельно взятого человека, а с позиции некоей субэтнической общности под названием «постсоветские корейцы»?*

— В этой среде протекают неоднозначные процессы. Границы, которые пролегли между бывшими советскими республиками, ставшими независимыми государствами, пролегли и между корейцами. Поэтому выражения «российский кореец», «казахстанский» или «узбекистанский кореец» имеют не только территориальный смысл, но и экономико-политический. Несомненно, если между государствами, где проживают корейцы, возникнут политические трения, лояльность по отношению к государству проживания будет первичной по отношению к голосу кровного единства.

Не прекращается миграция: прежде всего, из Средней Азии в Россию и Южную Корею. И если на пространстве СНГ в корейской среде преобладают дивергентные процессы, то в Корее наоборот — русскоязычные корейцы начинают объединяться в «стай», независимо от того, из какой страны СНГ они прибыли. А самое интересное в том, что если для корейцев СНГ исторической родиной является Корея, то для русскоязычной корейской общины в Корее — СССР или та или иная страна СНГ. И есть еще одна интересная вещь, появился новый феномен — корейская община в Корее. В настоящее время их две — китайская и русскоязычная из стран СНГ.

— «Как причудливо тасуется колода!» — сказал бы Воланд. *Корейская община в Корее... А насколько эта община может быть единой, сцементированной? Может быть, стоит подумать о создании некоей структуры, которая могла бы отстаивать и защищать интересы русскоязычных корейцев в Корее?*

— У всех нас на памяти те дразги, амбиции, противостояние, борьба за власть, которые сопровождали корейское движение в СССР/СНГ. Смогут ли русскоязычные корейцы понять, что в Корее групповщина и конфронтации — слишком большая роскошь? Русскоязычных корейцев становится все больше и больше, и судя по всему, этот процесс не идет на спад. Многие из наших соотечественников укореняются в Корее, они приехали всерьез и надолго. Стали возникать целые кварталы наших корейцев, т. е. речь идет о формировании компактно проживающих общностей. Если этот процесс будет развиваться так, как сейчас, может возникнуть ситуация, когда эта корейская русскоязычная община станет политическим игроком на корейской арене, как это произошло с русскоговорящими евреями в Израиле и как это постепенно происходит с русскоговорящими немцами в Германии. Главное — чтобы наши корейцы не перенесли на южнокорейскую почву привычку разделяться.

— *Сейчас в Корее работают около 70 тысяч русскоязычных корейцев, причем не в самой престижной сфере — это так называемая 3D-работа (dangerous, dirty, difficult). Изнурительный физический труд на заводах, туманные перспективы, незнание корейского языка и много бытовых проблем.*

— Когда корейцев переселили в Среднюю Азию, они выбрали стратегию личного карьерного роста. Боясь быть обвиненными в национализме, кумовстве и памятуя о 1937 годе, при достижении каких-либо карьерных высот, корейцы старались дистанцироваться от своих соотечественников. Но один в поле не воин, если говорить о повышении статуса не отдельной личности, а общности, о чем вы упоминали. В социологии есть понятие социального лифта, то есть механизма, когда карьерный рост отдельной личности осуществляется за счет помощи общины, что оборачивается пользой для самой общины. Возникает эффект обратной связи. Насколько это эффективно — достаточно обратиться к опыту евреев или армян. И если действительно возникнет ассоциация русскоязычных корейцев в Корее, принцип социального лифта должен стать одним из основополагающих в ее деятельности. И тогда корейская община может стать «образцовым меньшинством» (model minority), как это произошло в США и СССР.

— В последнее время все чаще ведутся разговоры об объединении Кореи. Как объединение может сказаться на наших соотечественниках?

— Я хотел бы определиться с понятием «объединение». Мы говорим об объединении Кореи, как объединении двух государств в одно, или мы говорим об объединении корейского народа? Для меня это разные вещи, о чем я писал еще в 1996 году. Первый вопрос — очень сложный, и здесь сталкиваются интересы многих держав. И он не может быть решен без укрепления мер доверия, установления нормальных отношений между двумя Кореями, укрепления различных контактов (экономических, культурных, спортивных и т. д.) между ними.

Кроме того, объединение корейского народа предполагает и включение в этот процесс корейской диаспоры, ведь мы тоже часть корейского народа.

Вы знаете, одним из ярких проявлений эпохи глобализации, в которой мы живем, стала глобализация этничности. В мировой политике все больше наблюдается тенденция *панэтнизма*, когда национальные государства ведут политику объединения диаспор в единое целое или создания международных этнических сообществ, что делает эти сообщества факторами международной политики. В качестве примера можно назвать всемирные конгрессы евреев или армян, а с недавнего времени и казахов, татар, русских и т. д.

В настоящее время существуют Северная Корея, Южная Корея и зарубежные корейские общины. Хотя отношения между ними весьма сложны и неоднозначны, глобальные тенденции в сфере этнополитических процессов позволяют обсуждать идею и о возможном формировании единой *наднациональной корейской общности* (корейцы Севера + корейцы Юга + корейская диаспора). Конечно, принципиальное условие возникновения такой общности — это улучшение отношений между Севером и Югом. В перспективе, оформленная в более или менее устойчивое образование, подобная общность могла бы знаменовать собой новую ступень в эволюции корейского этноса — ступень *метанации* как *интегральной совокупности генетически однотипных, но культурно различающихся этнических общностей (материнского этноса и субэтнических образований), исторически принадлежащих к одной нации, и основанной на сочетании общего и особенного*. Оформление такого рода Global Korean Community могло бы значительно усилить вес корейцев на мировой арене.